ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2016, том 95, № 10, с. 1218–1224

УДК 598.285:591.543.4

ДОМОВЫЙ (*PASSER DOMESTICUS*) И ПОЛЕВОЙ (*PASSER MONTANUS*) ВОРОБЬИ (PASSERIFORMES, PASSERIDAE) В НИЖНЕМ ПРИОБЬЕ И НА ПОЛУОСТРОВЕ ЯМАЛ – ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2016 г. В. Н. Рыжановский

Институт экологии растений и животных УрО РАН,
Екатеринбург 620144, Россия
e-mail: ryzhanovsky@ipae.uran.ru, ryzhanovskiy@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.10.2015 г.

В 1970–1980-е годы 20-го века домовый и полевой воробьи были обычны в городах и поселках Нижней Оби вплоть до устья. В настоящее время домовые воробьи проникли в поселки Среднего и Северного Ямала, а полевые воробьи из населенных пунктов Нижнего Приобья практически исчезли. В Субарктику домовый воробей продвигается благодаря наличию поселков с жилыми деревянными постройками, отапливаемыми ангарами для техники, а также наличию жилых домиков, расположенных вокруг буровых скважин. Размножение этих птиц протекает в сроки, общие с умеренными широтами, сохраняется бициклия, растянут сезон линьки, формируется только весеннее миграционное состояние. Полевой воробей имеет сходные экологические характеристики, но тяготеет к старой деревянной застройке. Смещение границ ареала полевого воробья к югу связано, предположительно, с сокращением численности популяции.

Ключевые слова: домовый воробей, полевой воробей, экология, размножение, линька, ареал, Субарктика

DOI: 10.7868/S0044513416080110

На территории Западной Сибири имеет место расширение гнездовых ареалов птиц преимущественно в северном и западном направлениях. За последнее столетие перечень таких птиц достиг трети всей орнитофауны тундрово-лесотундровой зоны (Головатин, 2011). К их числу относятся домовый и полевой воробьи, появившиеся в г. Салехарде (Обдорске) в 1894–1895 гг. и после 1920 г. соответственно. В 1970–1980-е годы оба вида были весьма обычны в городах и поселках Нижней Оби вплоть до устья (Данилов и др., 1984). В настоящее время домовые воробьи проникли в поселки Среднего и Северного Ямала, а полевые воробьи из населенных пунктов Нижнего Приобья практически исчезли. В данной статье обобщены материалы автора, сообщения коллег и литературные сведения с целью обсуждения различий в освоении этими видами нашего региона.

Большая часть материалов собрана попутно в период работы в Экологическом стационаре УрО РАН (г. Лабытнанги, Ямало-Ненецкий автономный округ) в 1975–2005 гг. Регистрировались встречи стаек, пар, слетков в городах и поселках Нижней Оби и на полевом стационаре Октябрьский в 5 км от г. Лабытнанги. На п-ове Ямал в 1974–1976, 1988, 1999–2003 гг. обследовались поселки, в том числе вахтовые, метеостанции и фактории. В 1986–1988 гг. передержаны в клетках с регистраторами активности по 5 птиц каждого вида в течение года. В июле–сентябре 1986, 1987 и 2010–2014 гг. ловили домовых воробьев в г. Лабытнанги, полевых воробьев ловили в 1978–1986 гг. на стационаре Октябрьский. Часть пойманных полевых воробьев передерживали в течение 1–2 месяцев в большой вольере. У птиц регистрировали массу тела, описывали состояние оперения. Для определения возраста слетков использовали материалы по развитию оперения северных птиц близких размеров (Рыжановский, 2008). Описано состояние оперения 57 молодых и 3 взрослых полевых воробьев, 51 молодого и 9 взрослых домовых воробьев. Местонахождение упомянутых в тексте населенных пунктов, стационаров и факторий приведено на рисунке.

История освоения воробьями поселков Нижнего Приобья и п-ова Ямал. Во времена Финша и Брема (1879) домовые воробьи проникали на север до пос. Берёзово (64.0° с.ш. 65°05′ в.д.), а в 1894–1895 гг. были намеренно завезены в г. Салехард (66°30′ с.ш. 66°50′ в.д.) (Данилов и др., 1984), от-

Расположение населенных пунктов и стационаров, указанных в тексте.

куда распространились до ближайших крупных населенных пунктов – Лабытнанги (66°30′ с.ш. 66°25′ в.д.), Ярсале (66°70′ с.ш. 70°50′ в.д.) (рисунок). После необычайно холодной зимы 1968–1969 гг. практически исчезли и восстановили численность к 1974 г. В летние периоды 1974–1976 гг. при обследовании поселков Мыс Каменный (68°31′ с.ш. 73°24′ в.д.), Сеяха (70°10′ с.ш. 72°30′ в.д.), Тамбей (71°28′ с.ш. 71°48′ в.д.), Харасавэй (71°40′ с.ш. 67°10′ в.д.), метеостанций Морасале (69°44′ с.ш. 66°50′ в.д.) и Харасавэй (71°38′ с.ш. 67° в.д.) мы этих птиц не встречали (Данилов и др., 1984). Позднее, с началом активного освоения нефтегазовых месторождений Ямала гнездовые поселения домовых воробьев обнаружены и сохраняются в настоящее время в пос. Новый Порт (67°41′ с.ш. 72°53′ в.д.), Мыс Каменный, Сеяха, Бованенковский, Харасавэй (Пасхальный, 2004; Рябицев, Примак, 2006). Расселение этих воробьев происходит двумя способами – расстояния в десятки километров птицы пролетают весной небольшими группами, парами и одиночно, появляясь в мае – июне в мелких поселках и на факториях (Данилов и др., 1984). В прибрежные поселки Ямала (Новый Порт и севернее) воробьи завозились и завозятся на теплоходах и баржах, иногда, вероятно, воздушным транспортом (Шостак, 1921; Пасхальный, 2004). Обилие птиц в поселках зависит от числа строений, качества укрытий в зимнее время и наличия корма зимой. По подсчетам Пасхального (2004), в г. Лабытнанги на начало 90-х годов обитали 150–200 гнездовых пар и до 1200 зимующих особей. В настоящее время численность снизилась более чем вдвое.

Полевой воробей заселил юг ЯНАО позднее домового и самостоятельно. На конец 19-го века Дерюгин (1898) северную границу его распространения на Оби проводил по пос. Мужи (65°40′ с.ш. 65° в.д.). В г. Салехард в 20-х годах прошлого века его не отмечали (Шостак, 1921). Но в 1955–1957 гг. полевые воробьи гнездились у большинства охотничьих избушек на южном берегу Байдарацкой губы (Копеин, Оленев, 1959). На начало 70-х годов эти птицы были обычны в населенных пунктах по берегам Нижней Оби и предпринимали попытки гнездиться на факториях и в поселках Южного Ямала (Пасхальный, 2004), причем летом 1987 и 1988 гг. в пос. Ярсале вид был многочисленнее домового. Весенне-летние залеты стаек полевых воробьев на территорию с буровыми установками и в вахтовые поселки наблюдали вплоть до Северного Ямала – стайку из 6 птиц мы видели 7–10.07.1975 г. в вахтовом поселке в долине р. Сабеттаяха (71°10′ с.ш. 72°50′ в.д.). При этом в Средней Сибири эпизодическое гнездование наблюдали даже в поселках подзоны арктических тундр (Рогачева, 1988).

Во второй половине 90-х годов полевые воробьи постепенно исчезли из Салехарда и Лабытнанги, где ранее гнездились десятки пар. По наблюдениям С.П. Пасхального (личное сообщение), последние встречи приходятся на 1998 г. – по одной особи 24.05, 25.05, 10.10 и 18.11 В июле 2015 г. Пасхальный полевых воробьев не встречал даже в пос. Мужи, где в 80-е годы они гнездились регулярно. Известно также (Лыхварь, Сожко, 2003), что в начале текущего века резко снизилась гнездовая численность полевых воробьев в районе заповедника “Малая Сосьва”, и птицы перестали встречаться зимой, но в поселках Среднего Урала (Кировградский и Невьянский районы) воробьи остались многочисленными и зимуют.

Особенности экологии домового и полевого воробьев в Нижнем Приобье. Зимовка. Необходимым условием для формирования микропопуляций воробьев является возможность пережить в населенном пункте зиму благодаря наличию укрытий, корма и определенного уровня освещенности. В настоящее время в северных городах ЯНАО исчезают деревянная застройка, мелкие котельные, ликвидируются придомовые мусорные свалки и помойки, что отрицательно сказывается на возможности зимовки. Новые кирпичные здания имеют меньше теплых ниш и укрытий, основным источником корма становятся продуктовые склады, магазины и подкормка птиц населением. На широте Полярного круга в декабре-январе естественный световой день длится меньше 4–5 часов, а на Ямале отсутствует полностью. Но электрическое освещение улиц, придомовых территорий и фасадов магазинов в северных городах позволяют птицам расширить активность за пределы естественного светлого времени суток, вылетать на поиск корма раньше, возвращаться позднее. В новых северных поселках (Бованенковский, Харасавэй) домовые воробьи обитают, преимущественно, в металлических гаражах-ангарах, где зимой достаточно тепло, есть круглосуточное освещение и регулярные остатки пищи, кроме того птиц подкармливают рабочие. Через вентиляционные отверстия птицы проникают также в столовые и на теплые склады. Поскольку таких помещений немного, невелика и численность. В 1988 г. при обследовании группы из 4 технических ангаров, расположенных при скважинах Бованенковского месторождения, мы нашли домовых воробьев в одном из них.

Полевые воробьи нерегулярно зимовали в пос. Ярсале и регулярно, до начала 90-х годов, в гг. Салехард и Лабытнанги. Они придерживались окраин с деревянной застройкой, также ночевали в нишах и укрытиях, но внутрь жилых помещений и складов не проникали. Корм эти воробьи искали вне строений, в том числе и на свалках за пределами населенных пунктов, вылетая туда даже зимой (Пасхальный, 2004).

Гнездование. Элементы весеннего поведения у домовых воробьев мы наблюдали в конце февраля, а в третьей декаде марта (период весеннего равноденствия) встречали птиц с гнездовым материалом (Рыжановский, Пасхальный, 2008). При этом в основной период наблюдений (1970–1989 гг.) средняя за третью декаду марта температура была –12.7°С и никогда не поднималась до 0°С. В средней полосе конец марта–начало апреля является периодом массового гнездостроения, но при условии дневной температуры воздуха выше 0°С; начало яйцекладки приходится на период повышения температуры воздуха до 6–10°С (Ильенко, 1976).

Сроки яйцекладки в Нижнем Приобье в связи с недоступностью гнезд почти не прослежены. Появление пар у избушек и факторий в Нижнем Приобье и на Южном Ямале с последующей попыткой строительства гнезд пришлось на следующие даты: 8.06.1971; 10.06.1971; 29.05.1973; 21.05.1977; 7.06.1978; 14.5.1986., всегда при температурах выше 0°С. В 1977 г. первое яйцо было отложено 27.05 при температуре воздуха днем 15°С. Яйцо формируется 4–5 дней (Lack, 1946; Зимин, 1988), соответственно 22.05 было 6°С, когда птицы начали строить гнездо. В Лабытнанги в одной из дуплянок 25.05.1986 было 5 яиц; вылупление началось 4.06. Расчетная дата начала яйцекладки – 18.05 при дневной температуре воздуха 16°С, но за 5 дней до этого, 13.05, шел мокрый снег при 2°С. В средней полосе рост фолликулов начинается при повышении температуры до 6–10°С (Ильенко, 1976). Вероятно, температурный порог формирования яиц в Субарктике близок к 0°С. Возможно, также, что при понижении температуры до отрицательных величин, резорбции фолликулов у северных домовых воробьев не происходит, в отличие воробьев умеренных широт (Ильенко, 1976).

В 80-е годы появление на улицах слетков мы обычно регистрировали в июле, что соответствует яйцекладке в конце мая–первой половине июня. Но в последние годы, по наблюдениям коллег-зоологов, слетки начали встречаться значительно раньше. Директор Арктического научно-исследовательского стационара УрО РАН В.Г. Штро (личное сообщение) встречал на улицах г. Лабытнанги первых слетков 2.05.2013 г., 5.05.2014 г.; 4.05.2015 г. М.Г. Головатин (личное сообщение) наблюдал кормление короткохвостого слетка взрослой птицей на покрытой снегом улице Салехарда 20.05.2015 при температуре ниже –15°С. При столь ранних встречах слетков и при длительности периода от первого яйца до оставления слетками гнезда 30 дней (Ильенко, 1976) яйцекладка на широте Полярного круга должна начаться как в средней полосе: в начале–середине апреля.

Из 14 молодых птиц, пойманных 19.07 и 20.07, были 2 слетка в возрасте до 15–16 дней, остальные имели возраст старше 25–30 дней, исходя из темпов развития оперения. Среди 11 молодых воробьев, пойманных 5.08, было 3 слетка. Один слеток пойман 28.08. В группе из 14 воробьев, пойманных 20–23.09, все птицы были в состоянии линьки, причем одна особь только начинала ее. Исходя из наименьшего возраста начала линьки – 35 сут. (Смирнов, 1990), последняя птица вылупилась в середине августа из яйца, отложенного в начале месяца. Таким образом, у домового воробья период откладывания яиц на широте Полярного круга в условиях современного небольшого города продолжается 4 месяца (апрель–начало августа). Судя по срокам отлова молодых воробьев, большая их часть вылупилась из яиц, отложенных в июне, меньшая часть из яиц, отложенных в июле–начале августа. Яйца, отложенные в июне, принадлежат первой кладке, отложенные в июле – второй кладке или повторной. Учитывая недоступность гнезд для хищников, доля повторных кладок должна быть очень низкой, но птиц поздних сроков вылупления мы отлавливали весьма регулярно. Таким образом, вторая кладка на широте Полярного круга у домового воробья должна быть достаточно обычной.

Гнездование в апреле возможно для пар, обитающих в помещениях – ангарах. Для таких пар вероятна не только вторая, но даже третья кладка в качестве исключения. Общий период размножения на широте Полярного круга, от первого в сезон яйца до распадения последнего в сезон выводка, продолжается до 5 месяцев, т.е. 135–150 дней. В пос. Бованенковский стайку молодых домовых воробьев в возрасте 20–30 дней мы видели 27.06.1988 г. Вычисленная дата начала откладывания яиц (вторая декада мая) позволяет паре выкормить второй выводок. Следует учитывать, что для всех видов птиц вторая половина июля–первая половина августа в тундровой зоне наиболее благоприятны для выращивания потомства в связи с максимальной биомассой беспозвоночных, созреванием семян и ягод.

Период размножения полевых воробьев короче, чем у городских. В 1986 г. пара воробьев, вероятно, зимовавших в г. Лабытнанги, заняли одну из 6 контрольных дуплянок в начале мая, первое яйцо отложили 13.05 при дневной температуре воздуха 2°С, формирование первого яйца началось при 0°С; 3 птенца из 5 яиц вылупились 1–2.06. Еще одну дуплянку воробьи, вероятно прилетевшие из более южного района, заняли после 10.06, первое яйцо отложили 13.06, вылупление началось 2.07. В пос. Октябрьский днем 9.06.1986 г. прилетели 4 воробья, утром следующего дня два из них (пара) носили траву в единственную вывешенную нами дуплянку, где успешно выкормили 2 выводка. Птенцы первого выводка вылупились

ориентировочно 28–30.06, птенцы второго – 3–5.08. Второй выводок распался в конце третьей декады августа. В другие годы там же дважды ловили слетков – 25.08 и 28.08. У домов фактории Хадыта и рыбацких избушек в пойме р. Хадыта полевые воробьи одиночно, парами, стайками появлялись на короткое время в конце мая – июне. После вывешивания дуплянок на фактории в 1978 г. загнездились 2 пары с началом яйцекладки 9.07 и 10.07. В последующие годы воробьи появлялись, но не гнездились. В 1982 г. одна пара вывела птенцов в дуплянке дважды (Данилов и др., 1984). Все эти события происходили при температурах выше 10°С, но, судя по первому гнезду, порог формирования яиц у полевого воробья, как и у домового, близок к 0°С. Период яйцекладки длится меньше 3 месяцев (70–80 дней), общая продолжительность периода размножения полевых воробьев в Нижнем Приобье несколько меньше четырех месяцев – 105–115 дней.

Линька. Полная постювенальная линька у первогодков и полная послебрачная линька у птиц старше года на широте Полярного круга начинается в середине лета не ранее второй половины июля, заканчивается в начале зимы. Сроки начала и окончания линек у обоих видов практически одинаковые, темпы линек, по сравнению с воробьиными, давно освоившими Субарктику и тем более с видами-субарктами, низкие (Рыжановский, 1997). Ни один из 14 молодых домовых воробьев, пойманных 19–20.07, к линьке не приступал. Постювенальная линька домового воробья, пойманного 29.07 в возрасте 20–25 суток, в вольере началась 28.08, т.е. в возрасте 40–45 суток. В Ленинградской обл. воробьи начинают линьку в зависимости от даты вылупления в возрасте 36–60 суток (Смирнов, 1990), в Нижнем Приобье 60-дневный возраст начала линьки возможен для птиц, родившихся в начале июня (из майских кладок). Среди 11 первогодков, пойманных 2–5.08, одна особь была на 4-й стадии линьки, т.е. начала ее в конце второй декады июля при вылуплении в конце мая–начале июня. Среди пойманных в последние годы первогодков явно не было птиц из апрельских кладок, вероятно в связи с небольшим их числом. При полярном дне линьку они должны начать в возрасте около 60 суток, в конце июня – начале июля и закончить в конце августа, через 60–70 суток (Смирнов, 1990), но перелинявших воробьев мы ловили только в конце сентября–октябре. С конца августа до начала октября в состоянии линьки находятся практически все первогодки. Две вольерные птицы начали линьку 10.07 и 25.07, линька длилась 60 и 73 суток, закончилась 10.10 и 7.11 соответственно, т.е. в начале зимы. Птицы из наиболее поздних выводков заканчивают линьку, по нашим расчетам в конце ноября–начале декабря, т.е. глубокой зимой.

Послебрачная линька у домового воробья, судя по отловам 12 птиц в г. Лабытнанги, начинается во второй половине июля. Линька у двух птиц, живших в вольере с весны, началась в конце второй декады июня, у двух других – в середине третьей декады. У первых птиц линька закончилась через 90 и 100 суток, в середине – конце сентября, у других – через 110 и 115 суток, в конце октября. Поскольку вольерные птицы не принимали участие в размножении и до второй декады июля жили при полярном дне, затем при медленно убывающем дне, такая индивидуальная длительность линьки, вероятно, максимальна для вида. В природе линька особи должна длиться 70–90 сут, как и в Приладожье (Смирнов, 1990) и должна закончиться до наступления сильных морозов.

Полевые воробьи из первых выводков (вылупление 1–2.06 и 28–30.06) в вольере начали линьку в возрасте 55–60 суток ($n = 4$), из второго выводка (вылупление 3.08–5.08) начали линьку в возрасте 35 и 37 суток ($n = 2$). У птиц из первых выводков линька продолжалась 70–80 суток, из второго выводка – 45 и 55 суток, как и у птиц из Приладожья (Носков, Гагинская, 1990). По этой причине линька птиц первого и второго выводков заканчивалась практически одновременно – в конце октября–начале ноября, т.е. в начале зимы.

К послебрачной линьке полевые воробьи приступали в августе и совмещали ее с докармливанием слетков. Самец, пойманный у дуплянки, где начиналось вылупление птенцов, 1.08.1986 г., был в старом наряде; 28.08 он был на 6-й стадии линьки. Два воробья, живших в вольере с начала весны, начали линьку в середине июня, т.к. не размножались и закончили ее через 85–90 суток, в середине октября. В октябре должна заканчиваться линька и у размножавшихся птиц. В Приладожье индивидуальная продолжительность линьки в природе составляет 69–72 дня, но в экспериментальных условиях при 18-часовом дне – до 90 суток (Носков, Гагинская, 1990), как и в нашем районе.

Кочевки и миграции. У большинства воробьиных птиц высоких широт по завершению линьки или на последних ее этапах формируется миграционное состояние и начинается миграция. Простейшим показателем миграционного состояния является миграционный полет в природе, миграционная активность в клетках и депонирование жира (Дольник, 1975). Домовые воробьи осенью за пределами поселков не встречены. У клеточных птиц все изменения летне-осенней массы тела были связаны с линькой (с обводнением тканей, Дольник, 1975). Жировых накоплений в период линьки не регистрировали, баллы упитанности – “нет” и “мало”. Не возрастали они и после окончания линьки, поздней осенью и зимой (Рыжановский, 1997). Но весной, во второй

декаде марта, все клеточные птицы, 2 первогодка и 3 особи старше года приобрели запасы жира, оцениваемые баллом “средне”. Такая динамика совпадает с поведением птиц в природе – весной домовые воробьи расширяют ареал. Успенский (1965) отмечал, что домовые воробьи в приморских поселках Большеземельской тундры периодически появлялись или завозились весной–летом, гнездились, зимовали и исчезали следующий весной или весной через год-два. Вероятно, подобное происходит и в ямальских поселках – весной появлялась пара или группа, гнездилась, осенью формировалось поселение. В небольших поселках поселение было временно́е, в более крупных – достаточно постоянное с весенней подпиткой из временны́х поселений и мигрантов из лесотундры.

Подобная динамика упитанности наблюдалась у первогодков полевых воробьев – от окончания линьки в октябре до апреля упитанность 5 первогодков не превышала балла “мало”. В апреле упитанность возросла до балла “средне”, т.е. птицы должны включиться в миграцию. Поскольку осеннего миграционного ожирения у полевых воробьев не наблюдали, видимо, нет и осенней миграции. Её не нашли в Якутии, но в Челябинской и Тюменской областях миграцию наблюдали в сентябре–октябре (Носков и др., 1981). Из Нижнего Приобья молодые воробьи могут улететь в процессе послегнездового разлета, т.к. в августе мы эпизодически ловили их на стационаре Октябрьский. Поскольку постювенальная линька полная и растянутая, то на этапе замены маховых перьев вершины крыла (7–10-я стадии линьки) летные качества крыла несколько снижаются, как и у взрослых на этих этапах. Птицы не должны совершать в сентябре – октябре перелеты на значительные расстояния, что и не наблюдается. На зимовку в северных городах и поселках должны оставаться птицы из вторых выводков и кормившие их родители. В 80-е годы количество зимующих полевых воробьев в городах Салехард и Лабытнанги было достаточно велико (десятки пар, Пасхальный, 2004), к середине 90-х годов встречи стали единичными даже летом. Гибель птиц от бескормицы в зимнее время сомнительна, т.к. в настоящее время в г. Лабытнанги, например, существует крупное поселение одичавших голубей, которых подкармливают жители. Здесь же кормятся и домовые воробьи. Даже в случае массовой гибели зимующих полевых воробьев, весной должны прилететь птицы из более южных регионов, что не наблюдается. Обращает на себя внимание большая территория, где летом эти воробьи в настоящее время малочисленны или не встречаются. Снизилась гнездовая численность, как говорилось выше, даже в населенных пунктах притоков Средней Оби (поселки на р. Малая Сосьва), и птицы прекратили там зимовать при отсутствии видимого изменения обилия в поселках Среднего Урала. В настоящее время популяция, вероятно, не имеет резерва для восстановления численности в северной тайге и лесотундре.

Домовые воробьи продвигаются на север Субарктики весной за счет новых населенных пунктов. Осенью из этих пунктов не отлетают, на зиму собираются в теплые ангары, склады, столовые. Весной строят гнезда, выводят птенцов и выкармливают, что возможно (Ильенко, 1976) даже исключительно на хлебе. Второй выводок, вероятно, выкармливают растительной и животной пищей, собранной в прилегающей тундре. Выросшие в таких условиях (под крышей ангара) молодые большую часть летнего дня проводят в помещениях, вылетая в тундру только на кормежку, т.е. ограничили свою жизнь полностью техногенной средой.

Полевые воробьи частично зимуют в поселках южнее Полярного круга, частично прилетают в поселки весной, занимают ниши и дуплянки. Выход из ниши с гнездом должен быть “на свет”. Эти птицы не строят, как домовые воробьи гнездо с выходом даже в большой ангар. В старых тундровых поселках (Мыс Каменный, Новый Порт, Сеяха) условия для гнездования имеются (ниши в деревянных домах, под крышами котельных), но севернее 68-й параллели полевые воробьи гнездились редко, а в настоящее время не гнездятся и в лесотундровых поселках. Экология вида позволяет птицам точечно осваивать Субарктику Западной Сибири до северных ее границ, но в настоящее время, предположительно, нет популяционного резерва даже для освоения лесотундровых городов и поселков.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю сотрудника ИЭРиЖ УрО РАН М.Г. Головатина, сотрудников Арктического стационара УрО РАН С.П. Пасхального и В.Г. Штро за материалы наблюдений за воробьями в городах Салехард и Лабытнанги.

Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума Уральского отделения Российской Академии наук (15-12-4-28).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Головатин М., 2011. Принципы организации населения птиц северных широт. Взгляд в динамике. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. KG. Saarbrucken, Deutshland. 396 с.

Данилов Н.Н., Рыжановский В.Н., Рябицев В.К., 1984. Птицы Ямала. М.: Наука. 338 с.

Дерюгин К.М., 1898. Путешествие в долину среднего и нижнего течения р. Оби и фауна этой области // Труды С.-Петербургского общества естествоиспы-

тателей. Отд. зоол. и физиол. Т. 39. Вып. 2. С. 47–140.

Дольник В.Р., 1975. Миграционное состояние птиц. М.: Наука. 398 с.

Зимин В.Б., 1988. Экология воробьиных птиц Северо-запада СССР. Л.: Наука. 184 с.

Ильенко А.И. 1976. Экология домовых воробьев и их эктопаразитов. М.: Наука. 119 с.

Копеин К.И., Оленев В.Г., 1959. О заходах в тундру животных других ландшафтных зон // Материалы по фауне Приобского севера и ее использованию. (Труды Салехард. стационара. Вып. 1). Тюмень. С. 163–170.

Лыхварь В.П., Сожко В.В., 2003. Птицы заповедника "Малая Сосьва" // Современное состояние биоразнообразия на заповедных территориях России. Вып. 1. Позвоночные животные. М.: Наука. С. 100–207.

Носков Г.А., Фетисов Д.Н., Нанкинов Д.Н., Соколов Л.В., Гагинская А.Р., и др., 1981. Миграции и зимовка // Полевой воробей *Passer montanus* L. (характеристика вида на пространстве ареала). Под ред. Носкова Г.А. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 206–220.

Носков Г.А., Гагинская А.Р., 1990. Полевой воробей – *Passer montanus* (L.) // Линька воробьиных птиц Северо-Запада СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 258–261.

Пасхальный С.П., 2004. Птицы антропогенных местообитаний полуострова Ямал и прилегающих территорий. Екатеринбург: УрО РАН. 166 с.

Рогачева Э.В., 1988. Птицы Средней Сибири. М.: Наука. 309 с.

Рыжановский В.Н., 1997. Экология послегнездового периода жизни воробьиных птиц Субарктики. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 288 с.

Рыжановский В.Н., 2008. Определение возраста молодых воробьиных птиц в послегнездовой период по состоянию оперения. (На примере воробьиных Нижнего Приобья и п-ва Ямал) // Русский орнитологический журнал. Т. 17. № 446. С. 1559–1568.

Рыжановский В.Н., Пасхальный С.П., 2008. Фотопериод в жизни воробьиных птиц Субарктики // Сибирский экологический журнал. № 1. С. 145–159.

Рябицев В.К., Примак И.В., 2006. К фауне птиц Среднего Ямала // Материалы к распределению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. С. 184–190.

Смирнов О.П., 1990. Домовый воробей – *Passer domesticus* (L.) // Линька воробьиных птиц Северо-Запада СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 262–263.

Успенский С.М., 1965. Птицы востока Большеземельской тундры, Югорского полуострова и острова Вайгач // Экология позвоночных животных Крайнего Севера. Труды Института биологии УФАН СССР. Вып. 38. С. 38–101.

Шостак А.С., 1921. Орнитологические наблюдения летом 1920 г. (Томск–мыс Трехбугорный–мыс Круглый) // Вестник Томского орнитол. общества. Кн. 1. Томск. С. 105–114.

Финш О., Брэм А., 1882. Путешествие в Западную Сибирь. М.: Типография М.Н. Лаврова и К°. 578 с.

Laek D., 1946. Clutch and brood sice in the Robin // British Birds. № 39. P. 98–109.

HOUSE SPARROW (*PASSER DOMESTICUS*) AND TREE SPARROW (*PASSER MONTANUS*) (PASSERIFORMES, PASSERIDAE) IN THE LOWER OB RIVER BASIN AND YAMAL PENINSULA: SPECIFIC FEATURES OF DISTRIBUTION OF THE SPARROWS IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA

V. N. Ryzhanovsky

Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg 620142, Russia

e-mail: ryzhanovsky@ipae.uran.ru; ryzhanovskiy@yandex.ru

In 1970–1980, house sparrows and tree sparrows were common in cities and towns of the Lower Ob River basin up to the mouth of the river. Presently, house sparrows have penetrated to settlements of the middle and northern areas of Yamal, but tree sparrows from the settlements of the Lower Ob River basin have disappeared. House sparrow moves to the Subarctic due to the presence of settlements with warm hangars for techniques and separate wellsites with residential houses. The reproduction of these birds proceeds in the terms common with those in the temperate latitides. They retain the ability to have two clutches, molting seasons are extended, and only the spring migratory state is formed. Tree sparrow has ecological characteristics similar to those in house sparrow, but prefers old wooden buildings. A shift of the boundaries of tree sparrow's range to the south is suggested to be due to a reduction in the numbers of its population.

Keywords: house sparrow, tree sparrow, ecology, reproduction, molting, area, Subarctic